

ПРИТЧЕВО-АЛЛЕГОРИЧЕСКОЕ МИРОВОСПРИЯТИЕ И ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ В ФИЛОСОФСКОМ РОМАНЕ

Ольга Жилевич
Пинск, Беларусь

Статья посвящена выявлению специфики притчево-аллегорического мировосприятия в философском романе и ее художественной реализации в произведениях французских писателей второй половины XX века.

Ключевые слова: *притчевость, аллегоричность, философичность, мировосприятие, философский роман, мифологизм*

Художественное мышление XX в. – это синтез концептуально разных по мировоззренческим и художественно-эстетическими константами литературных текстов. По утверждению Ф. Шеллинга, «образное мышление этого времени вернулось к идее универсальности искусства, объединяя художественное и философское познание» [1, с. 120]. Философская проза и философский роман, как один из наиболее актуальных ее жанров, существовал в сложный период разрушения традиционных форм, распространения противоречий в различных гуманитарных сферах: между позитивизмом и иррационализмом, сциентизмом и герменевтикой, логически-понятийными подходами и общегуманитарными; классическим и неклассическим, традиционным и авангардным; эмпирическим и трансцендентным, духовным и телесным и тому подобное.

Как пишет В. А. Герасимчук, «и философия, и философский роман преодолевали в XX в. противоречивый путь своего становления» [2, с. 6]. Они часто пересекались на одном проблемном поле, выполняя одновременно и познавательные, и эстетические функции. Философско-аллегорический роман, как одна из жанровых модификаций философского романа, сочетает в себе философскую и художественную парадигмы, объединяя разнохарактерные виды сознания общими качествами. В его основе лежит иносказательно-назидательная мысль, сформированная по образно-понятийным принципам отражения мышления своей эпохи.

По мнению многих исследователей, широкую распространенность философско-аллегорический роман приобрел во французской литературе [3, 4, 5]. Самые известные писатели XX века обращались и продолжают обращаться к этой жанровой модификации в своем творчестве: А. Франс, Р. Роллан, А. Жид, М. Пруст, Ж.-П. Сартр, А. Камю, А. де Сент-Экзюпери, Веркор, Р. Мерль, П. Модiano, Р. Гари, Ж.-М. Г. Леклезю, М. Турнье, С. Жермен, П. Констан, П. Киньяр, Б. де Бушерон.

Цель настоящего исследования – выявить специфику репрезентации притчево-аллегорического мировосприятия в философском романе в контексте французской литературы второй половины XX века.

В исследованиях зарубежных и отечественных ученых прослеживаются разные точки зрения на роль категории притчевости в художественном произведении. Так, А. Бочаров на примере русской прозы 70-80-х годов XX в. делает попытку разграничить понятия «притча», «парабола» и «притчевость» [6]. Притчевость литературовед понимает как своеобразную окраску морально-философской прозы. По его мнению, притчевость – это соотношение жанровых и эстетических характеристик, воплощенных в нем: как трагическое образует фундамент для трагедии, комическое – для комедии, элегическое – элегии, так и притчевое создает эстетическое поле произведения. А. Бочаров считает, что притчевость может быть мифологической, когда она находится в системе мифологем; реалистичной, когда автор создает иллюзию реальности; параболической, основанной «на домысливании».

По мнению А. Княжицкого, о притчевом начале можно говорить, если «мы встречаем произведение, в котором явно аллегорическое отражение истины, обращение к собеседнику с вопросом, на который могут быть разные, возможно, взаимоисключающие ответы» [7, с. 123]. Множественность интерпретаций произведения расценивается автором как малая степень притчевости в нем, которая ведет к «потере нравственно-эстетической ориентации повествования» [7, с. 143].

С. Цыбакова на примере современной белорусской литературы [8] делает вывод, что явление притчевости (или параболичности) иллюстрирует особенность художественного мышления, стилевую доминанту произведения. Притчевость, на ее взгляд, проявляется в отказе от реалистичной изоморфности описания, в расширении гносеологического потенциала образной модели бытия.

М. Томилина в статье «Категория модальности в современном литературоведении» [9] предлагает применять при анализе притчевых произведений понятие «притчовой модальности». Она пишет, что модальность – это «совокупность содержательных признаков жанра, не связанных с определенным набором соответствующих формальных признаков» [9, с. 199]. Исследовательница утверждает, что притчовой модальностью отмечены все высказывания, в которых притчевость проявляется на содержательном уровне. Она может быть явной (то есть, когда она напрямую соотносится с текстологическим уровнем), но может и не иметь конкретного обнаружения.

Как видим, в литературоведении под «притчевостью» понимают составляющую сюжета, либо композиции, либо дополнительную жанровую характеристику, либо прием художественной условности. Феномен «притчевости» определяют в художественной, философской, идеологической ипостаси.

На наш взгляд, притчевость – это своеобразная форма отражения действительности, это модель, интеллектуальная конструкция, которая может проявляться в любом жанре: романе, повести, рассказе, пьесе и т. д. В таких произведениях ярко выражена морально-философская парадигма, акцент делается на глобальных вопросах существования человека и бытия, серьезных проблемах общества. Притчевость обуславливает практически все компоненты художественного текста: фабулу с ее стремлением к вечным темам и обязательным «вторым планом»; сюжет с символично-архетипической образностью, замедленным эпическим ритмом; пространственно-временные характеристики, которые не имеют конкретных локальных признаков; своеобразный язык. Отдельные элементы, которые в произведении отсутствуют, самообновляются в сознании читателя.

Аллегория в соотношении с притчевостью формирует особое мироощущение, способ понимания и художественного отражения окружающего мира.

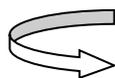
В словаре литературоведческих терминов и понятий аллегория (греч. «иносказание») определяется, как один из видов тропов, как иносказательное изображение отвлеченного понятия или явления действительности при помощи конкретного жизненного образа. Его характеристики, отвечая доминантным жизненным свойствам иносказательного явления, вызывают такое представление о нем, которое хотел отразить автор.

С. С. Аверинцев понимает аллерию как «условную форму высказывания, при которой дескриптивный образ обозначает нечто «иное», чем есть он сам, его внутренняя сущность остается для него внешним и оно однозначно зафиксировано за ним культурной традицией» [10, с. 28].

Согласно концепции Нортропа Фрая, любое художественное произведение может быть вписано в аллегорический континуум. Исследователь считает: «В рамках художественной литературы можно задать подвижную шкалу, на которой произведения бы располагались бы по степени аллегоричности – от явных аллегорий к подразумеваемым или неявным» [11, с. 31].

Ученый предлагает представить аллегорический континуум в виде схемы:

Развернутая аллегория

Тематическое повествование

Воплощения

Такая схема позволяет определить степень аллегоричности текста, и, согласно Фрау, данное произведение находится в левой части спектра, так как практически каждая деталь обозначает соответствующее ей, но «иное» понятие.

Притчево-аллегорический способ мировосприятия в художественном произведении представляет высокий смыслообразующий потенциал повествования.

В произведениях французских писателей второй половины XX века – Веркора, Р. Мерля, М. Турнье, Ж.-М. Г. Леклезю притчево-аллегорический способ мировосприятия приобретает актуальность и широкую распространенность. Романистов объединяет и то, что позднее творчество Веркора и Р. Мерля, и раннее творчество М. Турнье и Ж.-М. Г. Леклезю отражает идеи «второй волны» военной прозы и философско-аллегорический роман в период их творчества в 60-70-е годы XX века служит для того, чтобы заострить многоаспектность человеческого существования как главной самоценной силы, которая движет историей в совокупности ее физических и духовных проявлений.

В романе «Сильва» Веркор в притчево-назидательной форме предсказывает уничтожение человечества, моделируя повествование из цепочки ситуативных аллегорий: во время охоты лисица неожиданно превращается в девушку, однако при этом она сохраняет повадки животного. Главный герой произведения Альберт Ричвик пытается разобраться во внутренних качествах Сильвы – существа, которое только внешне подобно на человека. В романе раскрывается и противоположная точка зрения: как человек опускается до уровня животного состояния. Дочка доктора, Дороти, оказавшись в большом городе, привыкает к наркотикам, начинает вести распутную жизнь, что приводит к деградации молодой женщины до такой степени, что она утрачивает свой человеческий облик и становится подобной животному.

В своем романе автор назидательно не оставляет шансов для дальнейшего существования людей вне нравственности. Произведение имеет притчево-универсальное художественное значение: автор старается донести до читателя, что существуют границы моральности, за которые человек не может выходить, так как по мысли И. Шматковой, «человек еще в древности почувствовал потребность духовного самовыражения, почувствовал связь между собственными взглядами и моральным состоянием общества» [12, с. 50].

Р. Мерль в романе «Разумное животное» продолжает рассуждать над вопросами человеческой природы, влиянием окружающей среды и последствиями утраты нравственных ценностей, что неизбежно может привести к катастрофе человеческой цивилизации.

В основе произведения – аллегорическое повествование о дельфинах, наделенных способностью к членораздельной речи, которых военные силы стремятся использовать в своих разрушительных целях. Философские раздумья романиста над соотношением животного мира и рода человеческого относятся к желанию понять природу человека, определить момент, когда человеку понадобилась «абстракция», аналитическое мышление, и как делает он этот решительный шаг из животного мира в мир людей.

В романе «Разумное животное» писатель разворачивает также притчевую концепцию роли нравственности, этического начала в биологической эволюции человека. «Исторической разобщенности», столкновению политических режимов, классовых

интересов он противопоставляет «единые законы», подлинно человеческого сознания, живущего в недрах природы, но вносящего в нее качественные изменения.

Война в произведении Ж.-М. Г. Леклезю «Протокол» представлена в притчево-аллегорической форме, это все так называемое «внешнее», окружающая среда, она не имеет «ни лица ни тела», но эта обстановка оборачивается угрозой для человеческого существования.

Главный герой, молодой человек Адам Поло прячется от враждебных ему людей в заброшенном доме на берегу Средиземного моря. Писатель акцентирует внимание на нравственных переживаниях простого солдата, пережившего потрясения и военное существование. В начале повествования – мечтательный молодой человек, не представлявший ужасов военной действительности, герой впоследствии испытывает недоразумение, страх, безразличие, оцепенение, осознание, что приводит его к потере разума. Судьба героя назидательна и предсказывает крах человеческих ценностей.

Таким образом, притчево-аллегорическое мировосприятие в повествовании – это маркер философичности текста. Апеллируя к воспроизведению аллегорической картины мира, автор притчевой формы универсализирует философскую проблематику, подчеркивает ее темпоральность и тотальность в диахронном и синхронном срезах. Притчивость в художественном произведении – сущностный признак проблемного сознания, в основе которого лежит мысль, так что предмет познания не является открыто узнаваемым. Демонстрация (способ доказательства) в притчевой логике осуществляется с помощью художественно-аллегорических образов, что приводит к философскому, религиозному, нравственному и т. д. умозаключениям в виде «поучения», «премудрости», вечной истины, в которых органично используются знание и «незнание» о сути проблемы и пути ее решения. Специфика философско-аллегорического повествования была прослежена на материале произведений Веркора, Р. Мерля и Ж.-М. Г. Леклезю. Развертывание смыслового мира текста в притчевой форме, своеобразной интегральной формы двухфокусного эллипса, который таким образом демонстрирует одну из моделей художественного повествования. Баланс между этими оппозициями поддерживает эстетическая категория. Человеку, для сохранения онтологической равновесия, особенно в XX в. необходимо быть мудрым, в архаическом и религиозном смысле – и не разрушать онтологические структуры мира и человека. В этом заключается притчевая сущность мировосприятия. Экзотерика притчевого повествования – красноречивая аллегория угроз человеку и культуре, обусловленная основной угрозой – апокалиптическими последствиями мирозданию.

1. Шеллинг, Ф. В. Й. Сочинения: в 2 т. / Ф. В. Й. Шеллинг; сост., ред., авт. вступ. ст. А. В. Гулыга; пер. с нем. М. И. Левиной. – М.: Мысль. – Т. 1. – 1987. – 637 с.
2. Герасимчук, В. А. Філософський роман ХХ століття. Специфіка тексту. Монографія / В. А. Герасимчук. – Київ : Парапан, 2007. – 392 с.
3. Combe, D. Les Genres littéraires / D. Combe. – Paris : Hachette, 1992. – 113 p.
4. Жылевіч, В. Ф. Французскі раман-прытча другой паловы ХХ стагоддзя: ад «вечных» пытанняў да сучасных праблем грамадства / В. Жылевіч // Веснік Палескага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя грамадскіх і гуманітарных навук. – 2009. – № 2. – С. 64–69. – DOI: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22999302>
5. Viart, D. Le roman français au XX-e siècle / D. Viart. – Paris : Hachette, 1999. – 158 p.
6. Бочаров, А. П. Литература и время: Из творческого опыта прозы 60-80 гг. / А. П. Бочаров. – М.: Худож. лит., 1988. – 383 с.
7. Княжицкий, А. Притча: Учебная книга (VII–IX) / А. Княжицкий. – М.: Мирос, 1994. – 200 с.
8. Цыбакова, С. П. Классическая притча: трансформация в художественной литературе XX века: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.01.08 / С. П. Цыбакова; Нац. акад. наук РБ, Ин-т Лит. Я. Купалы. – Минск, 2000. – 19 с.

9. Томилина, М. В. Категория модальности в современном литературоведении / М. В. Томилина // Филология в системе современного университетского образования : материалы межвузовской научной конференции. – М. : УРАО, 2002. – С. 187–201.
10. Аверинцев, С. С. Притча / С. С. Аверинцев // Большая сов. энцикл. : в 30 т. – М., 1969 – 1978. – Т. 20. – С. 83.
11. Frye Northrop. Anatomy of Criticism: Four Essays / Frye Northrop // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. – Издательство Московского Университета, 1987 – с. 232-263.
12. Шматкова, І. Наталіцца роднасці святлом...: Агульнае і адметнае ў творчасці Е. Лось, Н. Мацяш, Г. Каржанеўскай. / І. Шматкова. – Мінск : Ковчег, 2011. – DOI: https://elibrary.ru/download/elibrary_32836393_97361581.pdf